

4-5 313.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

*Можно держаться не боясь
новой мысли.*

~~БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНИКОВ
ОБЪЕДИНЕННАЯ
ВЪ ПЕЧАТНИКОВСКИХЪ
УЧЕБНИКАХЪ
ВЪ МОСКВѢ
2 ФОРМА ОТДЕЛЕНІЕ.~~

1910

011

современный МірЪ

4-я змб. ✓
БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕ
ОБЪ УЛУЧШЕНІЯ БИЛА УЧЕ

18
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Инв. № 2071.р.

Г. МОСКВЫ
2 ФИЛІАЛЬНЕ ОТДѢЛѢ

СОДЕРЖАНІЕ № 5

	СТР.
1. БЫЛА ЛИ ЕКАТЕРИНИНСКАЯ РОССІЯ ЭКОНОМИЧЕСКИ- ОТСТАЛОЮ СТРАНОЮ? Е. Тарле.	8
2. * * Стихотвореніе. В. Кожевникова.	29
3. ГОРОДЪ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ИСКУССТВѢ XIX ВѢКА. Я. Тугенхельда.	30
4. НОМО SUM. Разсказъ. Н. Осиповича.	52
5. ОТЪ СОЛНЦА. Стихотвореніе. <i>Allegro</i>	93
6. ЦАРСТВО СМЕРТИ. Разсказъ. И. Лѣсного.	94
7. * * Стихотвореніе Амари.	116
8. СЕНТЯБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ. Сигурда (А. Хеденшерна). (Пер. со шведскаго). М. П. Благовѣщенской.	117
9. КАКЪ ОСЕННІЙ ЛИСТЪ... Повѣсть. В. Сѣрошевскаго . . .	152

Гг. подписчиковъ, приславшихъ 4 рубля (вмѣсто 4р. 50 к., котора жур-
нала покорнѣйше просить дослать до 1 іюня недостающія до полуго-
довой подписной платы 50 к., такъ какъ иначе іюньская книжка жур-
нала не будетъ имъ выслана.

Была ли екатерининская Россія экономически-отсталой страной? ¹⁾

Экстенсивная мощь русской имперіи въ концѣ XVIII столѣтія является однимъ изъ важнѣйшихъ и грандіознѣйшихъ феноменовъ всемірной исторіи. И когда тѣ же лица, которыя вполне признають этотъ безспорный фактъ, проходятъ мимо вопроса, — базировалась ли эта мощь на какомъ-либо хоть сколько-нибудь широкомъ экономическомъ фундаментѣ, и отдѣляются отъ этого вопроса повтореніемъ стереотипной фразы о натуральномъ хозяйствѣ и экономической отсталости Россіи, — то естественно для всякаго, обладающаго даже минимальной долей научной любознательности, отнестись къ подобнымъ утвержденіямъ съ апріорнымъ скептицизмомъ и потребовать фактическихъ доказательствъ. Но этихъ доказательствъ нѣтъ, ужъ потому, что документы, на основаніи которыхъ можно было бы съ непрерываемою очевидностью рѣшить вопросъ, — большею частью не только не использованы, но даже и не описаны. „Исторія русскаго народнаго хозяйства въ XVIII столѣтіи до сихъ поръ еще очень мало разработана“ ²⁾, — говоритъ намъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ историковъ Россіи.

А пока эта колоссально-важная для науки задача будетъ окончательно рѣшена изслѣдователями сокровищъ, хранящихся въ русскихъ архивахъ, интересно припомнить, какъ смотрѣли иностранцы-современники на екатерининскую Россію и ея экономическое развитіе. Эти свидѣтельскія показанія радикально расходятся со взглядомъ, ставшимъ въ послѣдствіи шаблоннымъ и именно въ силу единодушія своего позволяютъ предполагать, что окончательное рѣшеніе вопроса далеко не совпадетъ съ популярнымъ сужденіемъ.

Напомнить вообще о показаніяхъ современниковъ по этому

---

¹⁾ (Докладъ, читанный въ засѣданіи „Историческаго общества, состоящаго при спб. университетѣ“, 14 октября 1909 года). Приношу живѣйшую благодарность за цѣнные совѣты и указанія А. С. Лаппо-Данилевскому, А. А. Кизеветтеру и И. А. Шляпкину, а также А. И. Браудо за помощь при работѣ въ отдѣленіи Russica.

²⁾ А. С. Лаппо-Данилевскій: Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія (Спб. 1899).

важному вопросу побуждает меня найденная мною французская бумага официального происхожденія, относящаяся ко второй половинѣ екатерининскаго царствованія.

Работая въ парижскомъ Національномъ архивѣ надъ документами серіи F¹², заключающей данныя по исторіи французской торговли и индустріи, я натолкнулся въ административной перепискѣ 1790 года на одно бѣглое указаніе, что въ бумагахъ бюро торговаго баланса должны быть слѣды какихъ-то подготовительныхъ трудовъ по заключенію русско-французскаго торговаго договора 1786 года. Обратившись къ связкѣ, гдѣ эти бумаги находятся (F¹² 1835), я нашелъ письмо генеральнаго контролера Калонна о русской торговлѣ, относящееся именно къ 1786 году.

Это письмо оказалось неизданнымъ и, судя по совершенному отсутствію ссылокъ на него, даже и неизвѣстнымъ,—что, впрочемъ, неудивительно, принимая во вниманіе, что документы этой серіи (F¹²) не описаны, не каталогизированы, и, напр., изслѣдователь, специально занимающійся экономическою исторіей Россіи, могъ бы найти письмо Калонна совершенно случайно, такъ какъ масса документовъ, содержащаяся въ трехъ большихъ связкахъ, обозначена въ общемъ инвентарѣ Національнаго архива половиною строчки: „F¹² 1834—1835. Balance du commerce“ и больше нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на всѣ эти документы не имѣется.

Содержаніе письма Калонна, интересное и само по себѣ, заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ ознакомиться, хотя бы ужъ потому, что оно является новымъ показаніемъ современника, характеризующимъ состояніе русской торговли. Мнѣніе о Россіи XVIII вѣка, какъ о странѣ преимущественно „натуральнаго хозяйства“, какъ о странѣ, экономически самой отсталой въ Европѣ того времени,—это мнѣніе, довольно прочно укоренившееся въ воззрѣніяхъ западно-европейской экономической исторіографіи, является вообще одною изъ наиболѣе распространенныхъ и принимаемыхъ на вѣру легендъ. По поводу этого письма Калонна мнѣ хотѣлось бы вообще отмѣтить, что указанное сужденіе—въ значительной степени плодъ позднѣйшихъ домысловъ и ретроспективныхъ оцѣнокъ, и что современники въ западной Европѣ совсѣмъ иначе смотрѣли на экономическое состояніе Россіи.

В.

Въ XIX вѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ, темпъ экономическаго развитія—сначала въ Англіи и Франціи—настолько ускорился, что Россія (такъ же, впрочемъ, какъ и государства германскаго Союза, какъ Австрія, Италія) явственно отошла въ разрядъ экономически-зависимыхъ странъ, такъ что реальная почва для мнѣнія объ экономической отсталости явилась. Но побочныя причины сообщили этому мнѣнію особенную категоричность и заставили

говорить о Россіи не какъ объ *одной* изъ отсталыхъ въ экономическомъ смыслѣ странъ континента, но какъ о *самой* отсталой. Дипломатическое соревнованіе между Россіей и западными державами, страхъ и вражда, которые питали извѣстные общественные слои къ политическимъ принципамъ Николая I, болѣе твердое и замѣтное въ соціальной жизни страны господство крѣпостного права—все это заставляло забывать, что крѣпостное право и его пережитки (очень существенные) продолжали существовать до самаго 1848 года также и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, заставляло забывать, что въ экономической зависимости отъ Англіи и Франціи стоятъ всѣ страны, которыя съ тѣмъ или инымъ запозданіемъ ввели у себя машинное производство,—и Россія въ конечномъ счетѣ оказывалась страной якобы почти исключительно натурального хозяйства, страной исключительно помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ.

Съ тѣмъ, что можно назвать среднимъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, повторялось (относительно Россіи) въ этомъ отношеніи то, что уже было при Наполеонѣ I съ среднимъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи (относительно Франціи).

Ненависть и страхъ, которые Англія питала къ Наполеону за все время его царствованія, нашли себѣ выраженіе во многихъ газетныхъ статьяхъ и памфлетахъ, и мнѣ приходилось тамъ читать курьезнѣйшія утвержденія, что французамъ грозятъ страшныя бѣдствія и даже гибель изъ за континентальной системы, такъ какъ Франція безъ англійскихъ товаровъ жить не въ состояніи.

Подобныя же преувеличенія, непремѣнныя старанія показать, что ненавистное чужое правительство никакъ не можетъ существовать ресурсами одной только своей страны,—все это, конечно, способствовало часто сгущенію красокъ, когда во Франціи или Англіи въ эпоху Николая I заходила рѣчь объ экономическомъ состояніи Россіи.

Это бросается въ глаза особенно ясно всякій разъ, когда удастся сравнить подобныя преувеличенія съ показаніями лицъ, которыя въ самомъ дѣлѣ безпристрастно передавали свои наблюденія и передавали ихъ не для публики, а въ строжайшей интимности. Напр., быстрый ростъ купеческаго капитала, происходившій параллельно съ уже замѣчавшимся разореніемъ части дворянства, былъ отмѣченъ (и отмѣченъ съ сожалѣніемъ) французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ въ одномъ докладѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ въ 1830 году, до Іюльской революціи. Тогдашнія правящія сферы (при Полиньякѣ) были настроены консервативно и стояли за сохраненіе и восстановленіе старинныхъ привилегій дворянства вообще; понятенъ поэтому тонъ сожалѣнія въ упомянутомъ документѣ. (Самое письмо хранится

въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ) ¹⁾. „Должно съ сожалѣніемъ смотрѣть на близкое разореніе части русской аристократіи, тогда какъ нѣкоторые крѣпостные, такъ же, какъ купцы, которые прежде были крѣпостными и выкупили себя, обогащаются чудовищнымъ образомъ“,—вотъ что читаемъ мы въ этой бумагѣ. Это показаніе пригодится историку, который вздумаетъ пересмотрѣть вопросъ о началѣ, такъ называемаго, „дворянскаго оскуднѣнія“ и о значеніи движимаго капитала въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Когда иностранцы смотрѣли повнимательнѣе, они переставали думать, что Россія состоитъ изъ помѣщиковъ и крѣпостныхъ. Но, повторяю, мнѣніе объ экономической отсталости Россіи, хоть и чрезвычайно преувеличенное, уже имѣло въ срединѣ XIX вѣка извѣстную почву. Я хочу только сказать, что это мнѣніе ретроспективно было тогда перенесено на XVIII вѣкъ—и благополучно утвердилось въ историографіи. Сейчасъ рѣчь пойдетъ не о томъ, чтобы установить точную дату, когда именно экономическое развитіе Россіи начало отставать отъ развитія нѣкоторыхъ другихъ континентальныхъ странъ Европы, а о томъ, что, *повидимому, эту дату нужно искать не раньше XIX столѣтія*. Въ этомъ отношеніи ходячія мнѣнія (особенно въ европейской историографіи) относительно Россіи XVIII столѣтія не выдерживаютъ критики. Еще существованіе и крупныя размѣры торговли въ Россіи признаются иной разъ,—очевидность слишкомъ бросается въ глаза, но зато о русской индустріи въ XVIII вѣкѣ часто упоминается лишь затѣмъ, чтобы заявить объ ея ничтожности, а иногда и совсѣмъ не говорится.

Примѣромъ такого отношенія къ русской индустріи XVIII вѣка можетъ служить хотя бы извѣстная четырехтомная „Исторія всемірной торговли“, написанная Бееромъ ²⁾. Внимательный и добросовѣстный читатель Беера принужденъ будетъ сдѣлать выводъ, что вообще русская промышленность въ XVIII вѣкѣ не существовала, если не считать нѣсколькихъ заведеній учебно-образцоваго типа. „Суконное производство въ Россіи существуетъ съ Петра Великаго, и учрежденныя имъ суконныя фабрики служили въ позднѣйшія времена въ качествѣ образца. Число ихъ (суконныхъ фабрикъ) въ продолженіе нашего столѣтія (XIX) сильно возросло“, и т. д.—и больше о русскомъ суконномъ производствѣ въ XVIII вѣкѣ—ни слова ³⁾. О полотняномъ производствѣ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ Бееръ не говоритъ ни слова. Относительно шелковаго замѣчаетъ только, что „приготовленіемъ шелковыхъ матерій въ Россіи занимались съ давнихъ поръ,

¹⁾ Архивъ франц. минист. иностр. дѣлъ. Серия: „Russie, mémoires et documents“ № 36. Notice abrégée sur la situation actuelle des finances de l'empire de Russie.

²⁾ „Allgemeine Geschichte des Welthandels“. Wien (1860—1864). Въ ней три части, причемъ третья въ 2-хъ томахъ.

³⁾ Беер, *op. cit.* III часть, 1-ый томъ, стр. 115.

такъ какъ довольно значительное количество шелка употреблялось въ облаченіяхъ священниковъ и церковной утвари¹⁾. О другихъ промыслахъ полное молчаніе.

Ни слова нѣтъ о русской индустріи и на тѣхъ 12 страницахъ (504—517) II тома, гдѣ рѣчь идетъ о русской торговлѣ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Мы нарочно приводимъ Беера, потому что, съ одной стороны его трудъ выражаетъ общепринятые въ срединѣ XIX столѣтія сужденія относительно исторіи торговли и промышленности, а съ другой стороны—эта книга способствовала, въ свою очередь, укрѣпленію и дальнѣйшей популяризаціи подобныхъ мнѣній.

Но если мы попробуемъ отрѣшиться отъ этихъ позднѣйшихъ оцѣнокъ и обратимся къ показаніямъ современниковъ, то сейчасъ же увидимъ, что они къ экономическому состоянію екатерининской Россіи вообще и къ ея индустріи въ частности относятся съ несравненно большимъ почтеніемъ.

Какъ общее правило, можетъ быть высказано слѣдующее: почти всѣ иностранцы-современники, писавшіе о русской торговлѣ и промышленности въ концѣ XVIII вѣка, вовсе не считаютъ Россію страной экономически отсталою.

Приведемъ отзывы нѣкоторыхъ географовъ, статистиковъ, путешественниковъ, на которыхъ въ тѣ времена часто ссылались на Западѣ, когда рѣчь шла о Россіи.

Бюшингъ, который, какъ извѣстно, четыре года пробылъ въ Россіи, пишетъ въ своей всеобщей географіи²⁾, что хотя Россія можетъ еще сильно увеличить количество своего вывоза, но уже и теперь (т.-е. въ 1770-хъ гг.) этотъ вывозъ значителенъ. Онъ отмѣчаетъ силу и ростъ русской индустріи, причемъ говоритъ очень одобрительно о качествахъ шелковыхъ, ковровыхъ, кожаныхъ и нѣкоторыхъ другихъ издѣлій и указываетъ, что въ 1775 г. было вывезено за границу товаровъ на 32.196.000 рублей. „По-видимому,—прибавляетъ онъ³⁾:—русскій вывозъ сильно превышаетъ ввозъ (тутъ онъ приводитъ цифры на основаніи таможенныхъ справокъ и дѣлаетъ оговорку о контрабандѣ, о чемъ у насъ рѣчь еще впереди). Общій выводъ его о русскихъ, какъ о торговой націи, въ высшей степени благопріятенъ: „Можно, конечно, сказать,—пишетъ онъ:—что ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ большей склонности къ торговлѣ, нежели русскіе“⁴⁾.

Burja, учитель-французъ изъ французскаго коллежа въ Берлинѣ, бывшій нѣкоторое время гувернеромъ у Татищева, въ подмосковномъ имѣніи послѣдняго, и поѣздившій по Россіи, говоритъ о способностяхъ русскихъ къ фабричному производству⁵⁾,—

1) Beer, op. cit. III часть, 1-ый томъ, стр. 140.

2) Büsching: Erdbeschreibung. I, 702 (восьмое изданіе).

3) Ibid., I, 704.

4) Ibid., 713: Man kann wohl sagen, dass kein Volk in der Welt eine grössere Neigung zum Handel habe, als die Russen...

5) Burja: Observation d'un voyageur sur la Russie (Berlin. 1785), стр. 211

и характерно, что права русской нации на уважение онъ мотивируетъ такъ: „нельзя у нихъ оспаривать, что они—народъ, заслуживающій почтенія вслѣдствіе своихъ силъ, своихъ ресурсовъ, своей торговли и вслѣдствіе того, что они создали самую обширную имперію, какая когда-либо существовала“ ¹⁾. Его, видимо, такъ поражаетъ состояніе русской торговли и промышленности, что онъ ищетъ объясненія этому факту и находитъ его въ томъ, что въ Россіи совсѣмъ не такъ чувствовался гнетъ цеховой системы, какъ въ зап. Европѣ; отмѣчаетъ онъ и свободу торговли, царящую въ Россіи, гдѣ товары не платятъ никакихъ внутреннихъ пошлинъ при ввозѣ въ городъ ²⁾. Нужно вспомнить, что его книга вышла за четыре года до начала Французской революціи, и что избавленіе отъ цеховъ и отъ внутреннихъ таможенъ было мечтою всѣхъ прогрессивно настроенныхъ людей во Франціи. Замѣтимъ встать, что даже и революція далеко не сразу отмѣнила цехи; что же касается до внутреннихъ таможенъ, то частичное ихъ сокращеніе вызывало уже въ теченіе самой революціи самые бурные восторги. Напр., довольно вспомнить ликованія парижскаго народа, когда, весною 1791 года, власти отмѣнили пошлину, уплачивавшуюся за ввозъ сѣстныхъ припасовъ въ стѣны столицы. Цехи тоже были уничтожены 2 марта 1791 г., т.-е. черезъ два года послѣ начала революціи. Когда Буржа писалъ свою книгу, у всѣхъ образованныхъ людей, слѣдившихъ за политикою, особенно у французовъ, жива была въ памяти попытка Тюрго уничтожить тиранію цеховъ и освободить хлѣбную торговлю отъ мѣшавшихъ ей путъ; памятно было и рѣшительное сопротивленіе французскаго двора планамъ Тюрго, его паденіе и крушеніе всѣхъ его начинаній. Немудрено, что Буржа обратилъ большое вниманіе на то обстоятельство, что идеалы Тюрго были въ Россіи (въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ) живою дѣйствительностью.

Съ большою хвалою говорить объ отсутствіи стѣсненій для торговли также и Шторхъ, авторъ многотомнаго статистическаго описанія Россіи ³⁾: „Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ государства,—читаемъ мы у него:—гдѣ внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограниченій и поборовъ, чѣмъ Россія“ ⁴⁾. Онъ указываетъ на ничтожное количество монополій, на отсутствіе, такъ называемыхъ, *Stapelstädte*, т.-е. городовъ, имѣвшихъ исключительную привилегію быть складочнымъ мѣстомъ известнаго рода товаровъ или же обязательнымъ для известныхъ мѣстностей рынкомъ сбыта и этапомъ. Такіе города были тогда и въ

¹⁾ Burja: op. cit., 219.

²⁾ Burja: op. cit., 49: „Point de maîtrises qui empêchant un homme industrieux de faire ce qu'il peut et ce qu'il vent... les productions du pays ne paient aucun droit en entrant dans la ville.“

³⁾ Storch: Historisch-statistisches gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnen Jahrhunderts (Leipzig. 1799).

⁴⁾ Storch: op. cit., томъ VII, стр. 268.

германскихъ государствахъ, и во Франціи. Провансская торговля избавилась отъ угнетавшихъ ее привилегій города Марсея лишь при революціи. Отмѣчаетъ Шторхъ и отсутствіе дорожныхъ пошлинъ (также, прибавимъ, разорявшихъ французскую торговлю).

Состояніе промышленности въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка Шторхъ рисуетъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ: „Возникло множество новыхъ фабрикъ и мануфактуръ, изъ которыхъ многія превосходно процвѣтаютъ, духъ индустріи распространился повсемѣстно въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ огромнаго государства“ ¹⁾. Правда, онъ отмѣчаетъ, что Россія еще не избавилась отъ заграничнаго ввоза, особенно предметовъ роскоши. „Россія, конечно, фабрикуетъ теперь несравненно дѣятельнѣе (fabriziert jetzt gewiss unendlich thätiger), чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ“, но и потребности „дѣйствительныя и воображаемыя“ также безконечно возросли. Однако, онъ увѣренъ, что не за годами то время, когда эти „утонченнѣйшія потребности“ будутъ удовлетворяться предметами роскоши, производимыми русскою индустріей: послѣ всѣхъ уже достигнутыхъ успѣховъ поруку въ томъ онъ видитъ въ талантливости русскаго народа, „въ промышленномъ, утончающемъ духъ націи“ (des betriebsame, raffinierende Geist der Nation), въ ея склонности ко всякому мастерству, въ „достойной удивленія способности къ подражанію“, а также онъ надѣется на „живое соревнованіе при усиливающейся конкуренціи фабрикъ“ ²⁾.

Говоря о талантахъ русскаго народа, Шторхъ, между прочимъ, даетъ въ нѣмецкомъ переводѣ выдержку изъ сильно читавшагося въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XVIII вѣка сочиненія Levesque'a: „Histoire de la Russie“. Мнѣніе Левека въ самомъ дѣлѣ интересно, хотя нужно замѣтить, что Шторхъ неточно въ одномъ мѣстѣ переводитъ французскій подлинникъ (повидимому, по соображеніямъ характера цензурнаго).

Лебекъ очень высокаго мнѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ русской индустріи. „Русскимъ удаются фабрики и ремесла,—говоритъ онъ.—Они дѣлаютъ тонкія полотна въ Архангельскѣ, ярославское столовое бѣлье можетъ сравниться съ самымъ лучшимъ въ Европѣ. Стальные тульскія издѣлія, быть можетъ, уступаютъ только англійскимъ. Русская шерсть слишкомъ груба, чтобы можно было фабриковать изъ нея тонкія сукна, но нѣкогда получали отъ иностранцевъ все сукно для обмундированія войскъ, а теперь иностранцы начинаютъ сами получать его изъ фабрикъ этой страны (Россіи)“.

По мнѣнію Левека, русскіе „болѣе, чѣмъ многія другія націи, приближаются къ совершенству формы“... „Заставьте русскаго состязаться съ иностранцемъ, и можно биться объ закладъ, что

¹⁾ Storch: op. cit., т. III, стр. 46.

²⁾ Storch: op. cit., т. III, стр. 47.

русскій будетъ рабствовать съ меньшимъ числомъ инструментовъ такъ же хорошо и выработаетъ тѣ же предметы съ менѣе сложными машинами“ ¹⁾. Русскіе настолько даровиты, что они сравниваются или превзойдутъ въ смыслѣ индустріи“ другіе народы, „если они когда-либо получатъ свободу“. Эти слова Левека „s'ils obtiennent jamais la liberté“ Шторхъ, очевидно, счелъ нецензурными и замѣнилъ ихъ болѣе затѣйливымъ оборотомъ: „если судьба дастъ имъ всѣ тѣ преимущества, которыя въ другихъ странахъ благоприятствуютъ промышленности“ ²⁾.

Возьмемъ даже автора, который, въ общемъ, не такъ благоприятно смотритъ на русскую индустрію, именно Friebe. Правда, Friebe не можетъ быть для насъ такъ авторитетенъ, какъ, напримеръ, Storch или Hergmann, ибо на 17-ти небольшихъ страницахъ, которыя онъ посвящаетъ промышленности, онъ больше дѣлаетъ общихъ замѣчаній, чѣмъ фактическихъ сообщеній. Но и онъ отмѣчаетъ ту счастливую особенность русской промышленной организаціи, что цехи не подавляютъ талантовъ, не дѣлаютъ помѣхи труду (хотя и сѣтуетъ при этомъ на недостаточный надзоръ за доброкачественностью работы) ³⁾. Не можетъ онъ не признать также „безконечно“ большой ростъ русскихъ фабрикъ за время отъ Петра до конца XVIII вѣка, и даже за послѣднюю половину XVIII вѣка ⁴⁾. Русскія кожевенныя фабрики, по мнѣнію этого (въ общемъ строгаго) судьи, такъ усовершенствовались, что другія страны тщетно пытаются въ этомъ отношеніи сравняться съ Россіей ⁵⁾.

Въ 1774 году въ засѣданіи англійской палаты общинъ было завидѣтельствовано, что безъ русскаго полотна, ввозимаго въ Англію, бѣдные классы англійскаго народа обойтись не могутъ, и что сырые матеріалы, получаемые изъ Россіи, „существенно необходимы“ для англійскаго флота и англійской торговли ⁶⁾.

Джонъ Ричардъ также удостовѣряетъ, что балансъ въ англо-русской торговлѣ рѣшительно склоняется въ пользу Россіи ⁷⁾.

Еще съ болѣе удареніемъ говорятъ о томъ же десятию годами позднѣе и другіе свидѣтели ⁸⁾.

¹⁾ Levesque: „Histoire de Russie“, t. IV, 539 (Paris 1792).

²⁾ Storch: l. c.—wenn das Schicksal ihnen alle die Vorteile gewährt, welche die Industrie in anderen Ländern begünstigen.

³⁾ Friebe: Ueber Russl. Handel (Gotha, 1796), II—404.

⁴⁾ Friebe: op. cit. II, 405—Vergleicht man die jetzigen Manufakturen, welche Russland besitzt mit denen zu Anfang dieses Jahrhunderts oder auch nur von fünfzig Jahren, so muss man gestehen, dass dieser Zweig der Industrie in diesem Zeitraume sich unendlich vergrößert hat.

⁵⁾ Friebe: II—414.

⁶⁾ Observations on the evidence relating to the russian trade: as delivered at the bar of the honourable the house of commons on the 5-th of May 1774. to a comitee of the whole hous appointed to enquire into the, present state of the linen trade of. Great Britan and Jhreland by m-r Forsterl. London. 1774.

⁷⁾ A tour from London to Petersburgh, by John Richard (London. 1780) стр. 23: „the balance of trade is greatly in favour of Russia.“

⁸⁾ Voyage de deux français dans le nord de l'Europe (1796. Paris), томъ IV, стр. 252: Le commerce de la Russie avec l'Angleterre est extre.

Мысль о томъ, что торговля Европы съ Россіей нужнѣе Европѣ, чѣмъ Россіи, проводится и Le Clerc'омъ, который именно этимъ объясняетъ, что балансъ *всегда* оказывается выгоднымъ для русской торговли ¹⁾.

Авторъ предисловія къ нѣмецкому изданію „Исторіи русской торговли“, Шерера приписываетъ именно въ очень значительной степени торговому развитію Россіи ея огромные политическіе успѣхи ²⁾.

Таковы характерныя показанія современниковъ о русской торговлѣ. Я бы могъ еще увеличить число цитатъ, если бы не боялся повтореній: вышеупомянутыя сочиненія (особенно Шторха и Германа), съ упоминаніемъ или безъ упоминанія именъ ихъ авторовъ, легли въ основу современныхъ имъ и позднѣйшихъ компиляцій. Просматривая въ отдѣленіи „Rossica“ Импер. Публичной бібліотеки всю литературу по исторіи торговли Россіи въ концѣ XVIII вѣка, а также работы путешественниковъ за этотъ періодъ, я неоднократно встрѣчался съ повтореніемъ уже извѣстнаго матеріала.

Къ этимъ показаніямъ современниковъ, выраженнымъ въ ихъ печатныхъ трудахъ, позволю себѣ присоединить еще одно, о которомъ уже упоминалъ вначалѣ,—хранящееся въ связкѣ F¹² 1835 во французскомъ Національномъ архивѣ. Это—копія письма генеральнаго контролера Калонна къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Верженну, написаннаго 25 апрѣля 1786 и посвященнаго вопросу о русско-французскихъ торговыхъ отношеніяхъ ³⁾. Письмо это не издано, и мнѣ, повторяю, даже не случалось ни разу встрѣтить какую бы то ни было ссылку на него ни во французской, ни въ русской литературѣ; а такъ какъ никакого описанія документовъ серіи F¹² не существуетъ, то этотъ документъ даже и не упоминается ни въ какихъ каталогахъ архива. Связка 1835-я этой серіи вмѣстѣ со связкою

mement au des avantage de cette dernière puissance qui perd environ 1 million sterling...

¹⁾ Le Clerc: Histoire physique etc. de Russie moderne, стр. 300: ...la balance du commerce est toujours avantageuse à l'Empire. La raison en est palpable: les marchandises que l'on exiporte, de Russie sont de première necessité pour toutes les nations de l'Europe la plupart de celles que l'on importe en Russie ...ne peuvent être consommées que par une très petite portion de la nation.

²⁾ Johann Benedikt Scherers:—Geschichte und gegenwärtiger Zustand des russischen Handels. In einem Auszuge mit Anmerkungen und Zusätzen von Karl Hammersdörfer, Professor in Jena. Leipzig. 1789.

Russland hat in einem kurzen Zeitraume einen so hohen Grad von Macht und Ansehen erlangt und ist so schnell zum Range einer der ersten Mächte Europeus emporgestiegen, dass alles, was dieses Reich angeht, wichtig und wissenswerbh ist. So also auch die Geschichte seines Handels *der sehr viel dazu beigetragen hat dass Russland* das wurde was es ist, der von dem Grossen Peter fast aus. Nichts hervorgerufen um von der weisen Katharina zu einer erstaunenswürdigen Höhe gebracht worden ist.

³⁾ Нац. Арх. F¹² 1834: Copie de la lettre de M. le Controleur Général des finances à M. le Comte de Vergennes, en date du 25 avril 1786.

1834-ю заключаетъ въ себѣ уцѣлѣвшіе документы, такъ называемаго, „bureau de la balance du commerce“, которые относятся къ внешней торговлѣ Франціи. Въ своемъ небольшомъ рефератѣ объ официальной торговой статистикѣ Англіи и Франціи въ XVIII вѣкѣ, напечатанномъ въ „Sitzungsberichte“ берлинской академіи наукъ за 1898 годъ ¹⁾, Фридрихъ Ломанъ пользовался связкою F¹² 1834, а о связкѣ 1835-й и онъ ничего не говоритъ; впрочемъ, тамъ и нѣтъ нужныхъ для его темы матеріаловъ. Только этимъ полнымъ отсутствіемъ указаній можно объяснить, что названный документъ не привлекъ ничего вниманія. Я сталъ искать его только вслѣдствіе одного бѣглаго упоминанія въ официальной перепискѣ за 1790 годъ, что въ 1785 году производились какія-то спеціальныя работы надъ документами „balance du commerce“ въ виду подготовлявшихся торговыхъ договоровъ Франціи съ Англіей и Россіей.

Бюро торговаго баланса, учрежденное въ 1713 году, обязано было составлять ежегодныя сводки свѣдѣній какъ о ввозѣ, такъ и о вывозѣ товаровъ на основаніи отчетовъ таможенныхъ чиновниковъ (точнѣе—чиновниковъ, служившихъ по откупамъ этихъ таможенныхъ доходовъ (les receveurs des fermes, какъ они назывались) ²⁾). Бюро составляло обстоятельную сводку о торговлѣ Франціи съ иностранными державами за годъ, причемъ конечный результатъ этой работы заключался въ томъ, что изъ суммы, на которую Франція вывезла своихъ товаровъ въ данную страну, вычиталась сумма импорта во Францію изъ данной страны, или же наоборотъ, смотря по тому, какая цифра была больше. Если французскій вывозъ былъ больше, то предъ результатомъ такого вычитанія ставился +, и это должно было обозначать, что торговля Франціи съ данной державой выгодна Франціи и приносить ей столько-то въ годъ; если французскій вывозъ былъ меньше ввоза во Францію изъ данной страны, то къ разницѣ прибавлялся знакъ —, обозначавшій ущербъ для Франціи отъ торговли съ этой страной. Меркантильная система еще всецѣло царила въ официальныхъ кругахъ Франціи, и съ показаніями этого бюро стремилось сообразоваться правительство въ случаяхъ, когда ему нужно было предпринять какой-либо шагъ въ своей торговой политикѣ. Съ Россіей французы уже давно хотѣли заключить торговый договоръ, который обезпечилъ бы имъ такое же положеніе, которое занимали англичане: рѣчь должна была, главнымъ образомъ, идти объ уменьшеніи русскихъ таможенныхъ ставокъ и объ уменьшеніи пошлины, взимаемой съ французскихъ судовъ, приходящихъ въ Россію. Отголосокъ этой тенденціи мы находимъ, между прочимъ, у Леклера, въ его уже

¹⁾ Die Amtliche Handelstatistik Englands und Frankreichs im XVIII Jahrhundert, von Dr. Friedrich Lohmann (Sitzungsber. der Königl.-Preuss. Akademie d. Wissenschaften, 1898, Juli—December, стр. 859.)

²⁾ Объ учрежденіи и судьбахъ этого бюро см. Нац. Арх., F¹² 1834—В. „Mémoire sur la Balance du commerce“.

цитированной выше исторіи Россіи, гдѣ онъ глухо жалуется, что привилегіи, данныя англичанамъ, убиваютъ конкуренцію ¹⁾.

Добиваясь заключенія выгоднаго для Франціи торговаго трактата, министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ натолкнулся на шедшее съ русской стороны возраженіе, что франко-русская торговля для Россіи невыгодна (опять-таки, съ точки зрѣнія теоріи „торговаго баланса“). Верженнъ обратился къ главѣ вѣдомства финансовъ (и фактическому первому министру), генеральному контролеру Калонну за справками по этому вопросу. Калоннъ препроводилъ ему при особомъ письмѣ справку о торговлѣ съ Россіею изъ бюро торговаго баланса. Это-то препроводительное письмо Калонна насъ тутъ и интересуетъ.

По словамъ Калонна, русскіе мотивируютъ свое мнѣніе такъ: „они видятъ въ своей имперіи большое обращеніе французскихъ продуктовъ, въ то время какъ подсчеты ихъ таможенъ показываютъ, что французы вывозятъ ихъ товары лишь въ очень небольшомъ количествѣ“.

Какъ самъ Верженнъ, такъ и Калоннъ убѣждены въ неправильности подобнаго взгляда. Ввозъ русскихъ товаровъ во Францію былъ за послѣдній годъ (1785) очень великъ (Калоннъ съ умысломъ при этомъ подчеркиваетъ, что количество *французскихъ* кораблей, перевозившихъ эти товары, было ничтожно: „*quatre ou cinq de nos bâtimens*“, и что суда, участвовавшія въ торговомъ обмѣнѣ между Франціей и Россіею, принадлежали англичанамъ, голландцамъ, гамбургцамъ и др.). Для доказательства Калоннъ и препровождаетъ выписку о состояніи франко-русской торговли. Ввозъ изъ Россіи во Францію въ 1785 г., оказывается, былъ равенъ 6.412.329 ливрамъ, а вывозъ изъ Франціи въ Россію = 5.485.675 ливрамъ и, слѣдовательно, торговый балансъ сводился въ пользу Россіи на сумму въ 926.664 ливра.

Что касается торговаго мореплаванія, то изъ Россіи во Францію пришло въ 1785 г. 140 судовъ вмѣстимостью въ 24.892 тонны, а ушло изъ Франціи въ Россію всего 74 судна вмѣстимостью въ 14.391 тонну.

И это еще сравнительно хорошій для Франціи годъ: во время войны Франціи съ Англіей (изъ за независимыхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ) Россія получила еще больше выгоды: такъ, въ 1782 году Франція получила непосредственно изъ Россіи товаровъ на 9.721.000 ливровъ, а вывезла въ Россію всего на

¹⁾ *Le Clerc*: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne (Paris. 1783), t. I, стр. 14: „...c'est l'Angleterre qui jouit de la plus grande partie de ce bénéfice; le traité de commerce lui accorde les plus grands privilèges; elle y fait les plus grandes affaires et son influence majeure exclut, pour ainsi dire, toute concurrence. C'est cependant cette concurrence entre les nations, c'est l'égalité des privilèges et des prix qui sont les bases naturelles, du commerce le plus étendu et le plus avantageux à tous les peuples, les privilèges particuliers ou exclusifs le resserrent, ce commerce, le minent sourdement et le détruisent à la longue.“

4.802.000 ливровъ, что дало Россіи перевѣсъ съ 4.919.000 ливровъ. И хотя этотъ перевѣсъ нѣсколько уменьшился въ 1785 г., но все же остался за Россіей такъ же, какъ и въ 1784 и въ 1783 г.г. Благодаря этому Россія увеличиваетъ свой запасъ звонкой монеты въ ущербъ Франціи. Если русскіе видятъ у себя большое количество французскихъ товаровъ, то они должны были бы уже поэтому завести съ Франціей болѣе тѣсныя сношенія, даровавши французамъ тѣ же льготы, какими пользуются англичане, голландцы и австрійцы: до сихъ поръ,—утверждаетъ Калоннъ:—торговля между Франціей и Россіей находилась особенно въ рукахъ голландцевъ, которые и получали отъ нея выгоду. Они покупали во Франціи товары и перевозили ихъ въ Россію, гдѣ и продавали, конечно, по болѣе дорогой цѣнѣ, а затѣмъ нагружали свои корабли въ Россіи льномъ, веревками, строительнымъ лѣсомъ, кожами, мѣхами и т. д.—и перевозили все это во Францію. Немудрено поэтому, что русскіе въ своихъ таможенныхъ книгахъ не видятъ, сколько ихъ товаровъ ввозится во Францію, такъ какъ голландцы только тогда заявляютъ, что ѣдутъ во Францію, если не имѣютъ въ виду остановиться либо у береговъ своей родины, либо гдѣ-нибудь еще по дорогѣ. А, между тѣмъ, Калоннъ говоритъ, что бываютъ годы, когда цѣнность русскаго ввоза во Францію превышаетъ 10.000.000 ливровъ. Пусть русскіе измѣнятъ свою систему (т.-е. пусть заведутъ болѣе прямые сношенія съ Франціей), и ихъ ошибочное мнѣніе исчезнетъ, и они убѣдятся, что Франція является выгоднѣйшимъ рынкомъ сбыта для продуктовъ русскаго земледѣлія и русской индустріи. При прямыхъ сношеніяхъ цѣны на привозные продукты уменьшатся—и потребление увеличится. Между прочимъ, Калоннъ особенно подчеркиваетъ, что французскій флотъ будетъ тогда получать нужный строительный лѣсъ изъ первыхъ рукъ. (Замѣтимъ, кстати, что Калоннъ въ концѣ своего письма уже признаетъ, что количество французскихъ судовъ, торгующихъ съ Россіей, не четыре-пять, а десять; въ 1784 г. ихъ было семь, 1783—одно, а въ 1782—ни одного).

Таковъ этотъ документъ. Онъ подтверждается данными бюро торговаго баланса за 1785 годъ. Общія показанія бюро относительно русскаго ввоза такія: паруснаго холста изъ Россіи во Францію ввезено на 98.000 ливровъ; сырыхъ продуктовъ на 4.280.000; продуктовъ индустріи—1.412.000; пшеницы, ржи и овса—на 472.000, и разныхъ мелкихъ товаровъ (безъ болѣе точнаго обозначенія) на 150.389 ливровъ. Итого ввозъ русскіхъ товаровъ во Францію=6.412.339 ливрамъ.

Что касается французскаго вывоза въ Россію, то изъ общей цифры (5.485.675 ливровъ) главная сумма падаетъ на вина (1.156.009), водки (609.000), фрукты (126.000), соль (117.000) и на неопредѣленную категорію *les divers petits objets* (225.675), подъ которыми въ данномъ случаѣ можно понимать отчасти и предметы роскоши. Что касается вывоза продуктовъ французскихъ

мануфактуръ, то цифры, относящіяся сюда, сравнительно незначительны: суконъ было вывезено изъ Франціи въ Россію всего на 94.000, полотна на 56.000 и т. п.

Таковы эти цифры. Каково ихъ реальное значеніе? Всецѣло вѣрить полной точности этихъ цифръ нельзя. Дѣло въ томъ, что, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Ломанъ въ своемъ докладѣ берлинской академіи наукъ объ официальной торговой статистикѣ Англіи и Франціи въ XVIII вѣкѣ ¹⁾, Эльзась-Лотарингія, епископства Мецъ, Туль, Верденъ, затѣмъ т. наз. Pays de Gex, а также гавани Марсель, Байонна, Лоріанъ, Дюнкеркъ и (не упоминаемый почему-то Ломаномъ) Saint-Jean de Luz не давали свѣдѣній общему „бюро торговаго баланса“, ибо ихъ таможи подчинялись особой регламентаціи и дѣйствовали на особомъ основаніи. Далѣе.

Вѣдь, почти всѣ произведенія французской промышленности были избавлены отъ вывозной пошлины, а поэтому, хотя для цѣлей статистики и приказано было вести имъ счетъ, но, конечно, это исполнялось не особенно аккуратно, ибо главною своею задачею таможенные чиновники считали регистрацію товаровъ, за вывозъ которыхъ полагалось пошлину взимать. Точно также, съ другой стороны, ввозъ во Францію цѣлой массы сырья былъ освобожденъ отъ всякой пошлины (напр., все, что нужно для ткацкой и прядильной индустріи, для споспѣшествованія сельскому хозяйству и т. д.). Такъ что и статистика ввоза по этой же причинѣ могла вестись неаккуратно. Неточности проистекали и отъ того, что денежная оцѣнка вывозимыхъ количествъ (такъ же, какъ и ввозимыхъ) дѣлалась иногда довольно неточно, да и трудно было тутъ соблюсти полную точность; дѣлалась на основаніи приблизительныхъ расчетовъ, объявляемыхъ самими владѣльцами товаровъ или же таможенными служащими.

Несмотря на все это, намъ представляется вѣрнымъ мнѣніе Ломана ²⁾, что при всѣхъ этихъ неточностяхъ *отношеніе* между ввозомъ и вывозомъ во французской официальной статистикѣ передавалось довольно правильно, соотвѣтственно реальной дѣйствительности, хотя *абсолютно* цифры и ввоза, и вывоза получались меньше дѣйствительныхъ. Этотъ выводъ методологически правиленъ потому, что, вѣдь, всѣ эти „источники ошибокъ“ дѣйствовали одинаково и при исчисленіи ввоза, и при исчисленіи вывоза. Если же, послѣ этихъ оговорокъ, перейдемъ, въ частности, къ цифрамъ, касающимся торговли Франціи съ Россіей, то должны будемъ прибавить еще и слѣдующее.

Если въ цифрахъ, сообщенныхъ Калонномъ, есть ошибка,

¹⁾ Lohmann: Handelsstatistik England und Frankreichs in 18 Jahrhundert (Sitzungsberichte der K. Preuss. Akademie der Wissenschaften, 1898, Juli—Dezember, S. 881.

²⁾ L. c., 887.

то въ томъ отношеніи, что *перевѣсъ баланса въ пользу Россіи еще больше*, нежели указывается въ этихъ цифрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русское правительство указываетъ, что въ имперіи замѣчается масса французскихъ товаровъ, но въ русскихъ таможенныхъ книгахъ слѣда объ этомъ нѣтъ, ибо Калоннъ въ своемъ письмѣ непременно привелъ бы русскія цифры, если бы эти цифры были ему даны; но онъ просто говоритъ: „l'aveu que font les russes qu'il y a parmi eux une grande circulation du produit de notre sol et de notre industrie“ и т. д. Значить единственная цифра для опредѣленія французскаго вывоза въ Россію есть та, какую даетъ Калоннъ. Мы можемъ предположить, на основаніи вышесказаннаго, что она ниже дѣйствительной, но у насъ нѣтъ возможности сказать: „вотъ другая цифра, цифра русскаго происхожденія, составленная на основаніи болѣе дѣйствительныхъ исчисленій, ибо, если французская таможня могла не особенно аккуратно исчислить вывозимыя изъ Франціи мануфактурныя, скажемъ, издѣлія, или вина, или водки, въ виду почти полнаго отсутствія *вывозной* пошлины,—то ужъ русская таможня, для которой всѣ эти товары являлись *ввозомъ*, обложеннымъ часто высокою пошлиною, навѣрное отмѣтила бы точнѣе ихъ количество. Слѣдовательно, предполагая, что цифра французскаго вывоза, даваемая Калонномъ, меньше дѣйствительной, мы такъ или иначе не можемъ все-таки забыть, что заинтересованная сторона прямо не опровергла этой цифры. Если же перейдемъ къ цифрѣ русскаго ввоза, то мы тутъ ужъ, дѣйствительно, можемъ счесть цифру 6.412.329 ливровъ минимальной. Вглядимся въ составныя части этой цифры. Конечно, русской мануфактуры французскіе тарифы не пропускаютъ почти вовсе, ихъ ввезено во Францію на ничтожную сумму. Но зато лѣса, желѣза, льна, пеньки ввезено на 4.280.000, воску, кожъ, сала ввезено на 1.412.000, т.-е. почти весь русскій ввозъ состоитъ изъ такихъ продуктовъ, которые во Франціи *не* были обложены пошлиною и, слѣдовательно, регистрировались неаккуратно. Но если во Франціи не обложенъ ихъ ввозъ, то и въ Россіи давно не обложенъ ихъ вывозъ, такъ что ни во Франціи, ни въ Россіи никто не былъ заинтересованъ въ точной ихъ статистической регистраціи. И нужно было, дѣйствительно, очень ужъ большія количества этихъ товаровъ ввести во Францію, чтобы во французскихъ регистрахъ остался хоть такой слѣдъ, какъ цифра въ 6.412.339 ливровъ.

Въ XVIII столѣтіи Россія была въ Европѣ страной, откуда едва ли не легче всего было вывозить сырье, ибо почти всюду (не говоря уже объ Англіи и Франціи) вывозъ многихъ сырыхъ продуктовъ былъ либо прямо запрещенъ, либо обложенъ высокимъ тарифомъ.

Поэтому именно относительно торговли Франціи съ Россіею нужно признать, что *перевѣсъ Россіи* былъ еще гораздо больше,

чѣмъ указывалъ Калоннѣ на основаніи французской официальной статистики.

Отмѣтимъ къ слову, что въ той же связкѣ (F¹² 1835) имѣется подсчетъ результатовъ торговли Франціи со всѣми иностранными державами за 1788 годъ ¹⁾. Согласно цифрамъ этого документа, Россія въ 1788 г. ввезла во Францію больше товаровъ (6.871,900 л.), чѣмъ Пруссія (3.547,700), Швеція (5.581,100), Данія съ Норвегіей (4.068,800), Швейцарія (6,561,900), Миланъ, Тоскана, Лукка и Венеціанская республика—вмѣстѣ взятые (3,607,700+1,577,900+136,800 л.) и больше чѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты (3,189,500). Изъ 19 государствъ, съ которыми Франція въ 1788 г. вела торговлю, всего 8 державъ больше ввезли во Францію, чѣмъ вывезли изъ нея — и въ ихъ числѣ Россія. Не нужно при этомъ забывать, что и въ 1788 году далеко не всѣ товары, приходившіе во Францію изъ Россіи, регистрировались, какъ русскіе провенансы: англійское, голландское, ганзеатическое мореплаваніе отнюдь не перестало играть роль во франко-русскомъ обмѣнѣ.

Замѣтимъ, что торговый договоръ, о которомъ хлопоталъ Калоннѣ, устроился къ концу того же 1786 года ¹⁾. Со стороны Франціи уполномоченнымъ былъ графъ Сегюръ, со стороны Россіи—графы Воронцовъ, Остерманъ и Безбородко и д. с. с. Марковъ; 31 декабря 1786 г. договоръ былъ подписанъ.

Договоръ сильно уменьшалъ пошлины на французскіе товары (на бургонскія вина вм. 50 к.—40 к. за бутылку, на шампанскія вм. 60 к.—50 коп., на остальные вина вмѣсто 15 р.—12 р. за грузъ въ 240 бутылокъ, за марсельское мыло вмѣсто 6 р.—1 р. за пудъ),—вообще же Франція причислялась къ „наиболѣе благоприятствуемымъ націямъ“, и прямыя торговыя сношенія между нею и Россіею сильно этимъ договоромъ облегчались.

Этотъ договоръ, въ общемъ, съ точки зрѣнія „торгового баланса“, оказался, повидимому, болѣе выгоднымъ Франціи, чѣмъ Россіи. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ нѣкоторые документы, хранящіеся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ (см., напр., рукопись Edmond Genet: „Observations statistiques sur la Russie“—въ 35-мъ регистрѣ серіи „Russie“ въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ, помѣченную 30 октября 1792 г.).

Чтобы ужъ покончить съ франко-русскимъ договоромъ 1786 г., нужно еще отмѣтить, что англичане пришли въ большое раздраженіе по поводу успѣха, достигнутаго французской дипломатіей, и лондонскій дворъ именно послѣ этого договора повелъ борьбу противъ политики Екатерины и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, турец-

¹⁾ Нац. Арх. F¹² 1835. Resultat de la Balance en argent du commerce connu entre la France et chaque puissance étrangère.

²⁾ Martens: Recueil des principaux traités, T. III (Gottingue, 1791) № 142. Traité de navigation et de commerce entre S. M. le Roi de France et S. M. l'Impératrice de toutes les Russies.

кая и шведская войны были ускорены именно благодаря интригамъ Англіи ¹⁾).

Впрочемъ, Франціи не пришлось долго пользоваться выгоднымъ для нея договоромъ. При революціи дипломатическія отношенія между обѣими державами были прерваны, высочайшимъ указомъ 8 апрѣля 1793 года всякія торговыя сношенія съ Франціей были воспрещены. Въ этомъ смыслѣ Екатерина II еще болѣе круто реагировала на казню Людовика XVI, нежели Алексѣй Михайловичъ на казню Карла I Стюарта.

Прибавлю въ заключеніе, что французы послѣ разрыва торговыхъ сношеній отдали себѣ ясный отчетъ, до какой степени русская торговля важна для нихъ. Когда, въ 1800 году, Павелъ I завелъ дружественныя отношенія съ Бонапартомъ, и рѣчь зашла даже о союзѣ, — то нѣкій Guttin подалъ мемуаръ, въ которомъ доказываетъ пользу подобной комбинаціи. Этотъ мемуаръ до сихъ поръ не изданъ и хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Поговоривши въ общихъ словахъ о томъ, что русскіе не могутъ обойтись безъ французскихъ продуктовъ (причемъ онъ не называетъ ни одного такого продукта), Гюттэнъ уже вполне опредѣленно заявляетъ, что Россія есть единственная страна, которая могла бы доставить французамъ средства возродить ихъ флотъ. (Онъ имѣетъ въ виду, конечно, строительный лѣсъ, веревки, коноплю, парусный холстъ и т. д.) ²⁾.

Калоннъ говоритъ только о торговлѣ Россіи съ Франціей. Какъ обстояло дѣло съ общимъ русскимъ торговымъ балансомъ?

Какъ было уже сказано, таможенная статистика въ XVIII вѣкѣ находилась въ довольно неутѣшительномъ состояніи, и цифры ея необходимо принимать съ оговорками. То, что выше я сказалъ о статистикѣ французской, примѣнимо съ еще большимъ основаніемъ къ нашей. Поэтому не буду долго задерживаться на цифровыхъ показаніяхъ, которыя даются современниками относительно общей суммы ежегоднаго ввоза и вывоза.

Германъ, пользовавшійся официальными данными, говоритъ, что въ 1790 году ввозъ въ Россію былъ равенъ 22½ милліонамъ рублей, а вывозъ—27½, милл. рублей, такъ что торговый балансъ былъ на сумму въ 5 милліоновъ руб. въ пользу Россіи ³⁾.

Вильгельмъ Фрибе, членъ вольно-экономическаго общества, издавшій въ самый годъ смерти Екатерины книгу о земледѣліи, торговлѣ и промышленности въ Россіи, въ общемъ не особенно благоприятно судящій о торгово-промышленномъ преуспѣяніи Россіи, опредѣляетъ цифру вывоза только изъ гаваней Балтійскаго

¹⁾ Hartwiss: *Precis historique concernant les epoques principales du commerce des anglais en Russie* (Dorpat. 1806), стр. 50.

²⁾ Архивъ франц. министерства иностр. дѣлъ; серія „Russie“, № 35 (подписано) Guttin.

³⁾ Herrmann: „Stat. Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Landbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel (Leipzig. 1790).

и Блага морей въ 40 миллионъ рублей, и утверждаетъ, что перевѣсъ въ торговомъ балансѣ „большую часть остается на сторонѣ русскихъ“¹⁾.

Но достаточно вспомнить то, что было раньше сказано о невозможности произвести точный учетъ товарамъ, вывозъ которыхъ не обложенъ пошлиною, достаточно вмѣстѣ съ тѣмъ принять въ соображеніе, что огромное большинство товаровъ, вывозимыхъ изъ Россіи, пошлины за вывозъ не платили, — чтобы уже убѣдиться въ неточности этихъ цифръ.

Существуетъ, впрочемъ, и совершенно прямое указаніе, исходящее отъ министра финансовъ Румянцева, что до начала XIX столѣтія никакой работы поведенію торговаго баланса въ финансовомъ вѣдомствѣ не предпринималось, и что даже не были приведены въ систему тѣ матеріалы, которые могли бы для этой цѣли служить; да и самые матеріалы были совершенно недостаточны²⁾.

Румянцевъ, какъ мы видимъ, не считаетъ нужнымъ даже упомянуть о приводившихся въ разныхъ сочиненіяхъ цифрахъ. Но если поэтому позволительно скептически относиться къ *точности* цифръ ввоза и вывоза, то, согласно съ вышеприведеннымъ методологическимъ указаніемъ Lohmann'a, все же и эти подсчеты баланса могутъ правильно указать общее соотношеніе между ввозомъ и вывозомъ. А тутъ показанія современниковъ почти единодушны: Россія больше вывозитъ, нежели ввозитъ; заграница несравненно больше зависитъ отъ Россіи въ торговомъ отношеніи, чѣмъ Россія отъ заграницы. Приведенное письмо Калонна въ этомъ смыслѣ не составляетъ диссонанса, но существенно подкрѣпляетъ разбросанныя тамъ и сямъ сужденія современныхъ Екатеринѣ авторовъ.

IV.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что современныя екатерининскому царствованію показанія совсѣмъ не говорятъ о Россіи, какъ объ отсталомъ въ экономическомъ отношеніи государствѣ;

¹⁾ W. Chr. Friebe: „Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte“ (Gotha. 1796), t. II, стр. 110.

²⁾ См. Tableaux du commerce de l'empire de Russie. Années 1082—1805. (St. Petersburg, 1808). За подписью Румянцева въ предисловіи читаемъ между прочимъ слѣдующее: il paraît qu'on ne se soit pas encore occupé en Russie des combinaisons propres à former ce qu'on appelle la balance du commerce, toutes les connaissances à ce sujet se sont bornées jusqu'ici à une nomenclature générale des Marchandises exportées et importées ainsi que du montant en numéraire des droits de douanes qu'on s'attacha à connaître. Encore ces mêmes connaissances demeuraient elles comme couvertes d'un voile mystérieux et n'étant guère classées systématiquement dans les archives ou on les gardait, on était privé si j'ose le dire des moyens d'en tirer des conséquences utiles.

мало того, мы видѣли изъ приведенныхъ рукописей офіціального происхожденія, что торговый балансъ сводится въ пользу Россіи, мы видѣли также на примѣрѣ французскаго торговаго баланса, что Россія занимала далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ державъ по суммѣ своего ввоза во Францію. Теперь намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о русской промышленности въ концѣ XVIII вѣка сравнительно съ промышленностью французской.

Если я беру для сравненія именно французскую промышленность, то считаю нужнымъ напомнить, что, вѣдь, Франція считалась страной крупной промышленности, самую индустріальную изъ всѣхъ державъ европейскаго континента въ концѣ XVIII вѣка или, точнѣе, самую индустріальную страной въ тогдашнемъ мірѣ, кромѣ Англіи. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я начиналъ разбираться въ документахъ, касающихся исторіи французской обрабатывающей промышленности, когда я приступалъ къ чтенію документовъ серіи F¹² въ Національномъ архивѣ, то для меня постепенно стала выясняться все болѣе и болѣе рѣшительная необходимость совершенно отрѣшиться отъ вычитанныхъ понятій о французской промышленности.

Начать съ того, что самая эта серія F¹² оказалась очень мало и очень поверхностно изслѣдованною. А, между тѣмъ, безъ этой серіи нельзя себѣ составить никакого точнаго представленія о французской промышленности XVIII вѣка. Моя работа надъ этой серіей, конечно, еще далеко не кончена, но нѣкоторые результаты ея уже ясно намѣчаются.

И вотъ, во время этой работы мнѣ постоянно приходило въ голову, — до какой степени выиграла бы русская экономическая исторіографія, если бы европейская была лучше разработана и если бы, такимъ образомъ, сравнительный методъ могъ съ извѣстной увѣренностью быть пущенъ въ ходъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я беру съ умысломъ книгу ученаго, вовсе не склоннаго уменьшать роль русской индустріи, и собравшаго въ своей книгѣ такъ много матеріала для доказательства серьезныхъ размѣровъ развитія русской промышленности въ прошломъ и настоящемъ. Я говорю о „Русской фабрикѣ“ М. И. Туганъ-Барановскаго. Эту книгу упрекали въ томъ, что она слишкомъ сгущаетъ краски въ пользу своего тезиса. Я бы упрекнулъ ее въ отсутствіи (тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ) иллюстрацій изъ западно-европейской исторической жизни, если бы не зналъ, что авторъ сошлется на недостаточность и необработанность экономической исторіи Запада въ этотъ періодъ (кромѣ, развѣ, Англіи).

И для меня, когда я зналъ, напр., французскую промышленность по книгѣ German'a Martin'a, которая такъ и озаглавлена: „La grande industrie sous Louis XV“, и тому подобнымъ работамъ — тоже казалось, что и сравнивать нельзя Россію XVIII вѣка съ Франціей въ смыслѣ индустріальнаго развитія. Но когда я сталъ знакомиться съ настоящею дѣйствительностью, которая оставила

свои реальные слѣды въ серіи F¹², то я понялъ, что рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній считать, что Россія екатерининскаго времени въ самомъ дѣлѣ сильно отстала отъ наиболѣе передовой въ индустріальномъ отношеніи страны европейскаго континента. М. И. Туганъ-Барановскій говоритъ, что крупное производство было въ эпоху Петра Великаго новостью въ Россіи, но таксю же точно новостью оно было за сорокъ лѣтъ до Петра—во Франціи при Кольберѣ. Точно также, если намъ говорятъ, что въ теченіе XVIII вѣка русская фабрика не сдѣлала техническихъ успѣховъ, можно указать, что и во Франціи до самаго XIX столѣтія техническіе успѣхи были до послѣдней степени убогими и (не говоря уже объ отсутствіи паровыхъ машинъ даже въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка) только съ конца 1780-хъ годовъ англійскія прядильныя и ткацкія усовершенствованія очень медленно и туго, спорадически появляются во Франціи.

Нужно читать документы серіи F¹², гдѣ рѣчь идетъ объ этихъ усовершенствованіяхъ: о каждомъ экземплярѣ увѣдомляютъ министра, приглашаютъ то одного, то другого англичанина и чуть не золотомъ осыпаютъ его за согласіе остаться на службѣ во Франціи; министръ финансовъ знаетъ по имени 15-лѣтнюю работницу (изъ одной парижской мастерской), которая умѣетъ обращаться съ новой машиной, и рѣчь идетъ о томъ, чтобы послать ее въ провинцію начальствовать надъ мануфактурой, и власти все тоскуютъ (въ своей перепискѣ), что эта дѣвушка слишкомъ молода для начальственныхъ функцій. Проектеры, самыя фантастическіе авантюристы удостоиваются серьезнаго отношенія, проекты ихъ обстоятельно разсматриваются,—и иногда имъ дается даже субсидія. Самое ясное представленіе выносится читателемъ этихъ документовъ: механическія усовершенствованія, шедшія изъ Англіи, были до самаго XIX вѣка для Франціи совершенно случайнымъ новшествомъ, экзотическимъ явленіемъ. Въ этой области дѣлались эксперименты, нащупывалась почва, но не болѣе. Въ этомъ отношеніи Франція временъ Людовика XVI гораздо ближе къ екатерининской Россіи, чѣмъ къ Англіи Аркрайта и Уатта,—и недаромъ уже въ эпоху революціи слышны ревнивыя жалобы, что Екатерина II („La despote du Nord“) очень успѣшно отовсюду переманиваетъ къ себѣ на службу самыхъ искусныхъ рабочихъ—и французскимъ ремесламъ грозитъ отъ этого оскудѣніе: обѣ державы нуждались одинаково въ такихъ „искусныхъ рабочихъ“, бывшихъ въ тѣ времена во всѣхъ континентальныхъ странахъ наперечетъ.

Туганъ-Барановскій говоритъ далѣе, что покровительство русской фабрикѣ къ концу XVIII вѣка уменьшилось, а фабрика все-таки продолжала развиваться. Онъ могъ бы прибавить, что русская индустрія при Екатеринѣ и понятія не имѣла о томъ дѣятельнѣйшемъ правительственномъ покровительствѣ, которымъ пользовалась индустрія французская при Людовикѣ XVI и даже при революціи.

Въ Россіи въ теченіе всего екатерининскаго царствованія не было ничего похожаго на непримиримый протекціонизмъ, столь характерный для французскаго стараго режима вплоть до послѣднихъ его годовъ. „Чрезмѣрное покровительство,—констатируетъ А. С. Лаппо-Данилевскій относительно Россіи въ екатерининскую эпоху:—которымъ первоначально пользовалось крупное производство, въ это время стало излишнимъ. Въ теченіе первой половины XVIII вѣка русское производство сдѣлало замѣтные успѣхи. Число фабрикъ увеличилось въ нѣсколько разъ, и обороты на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно возросли“¹⁾. А въ это самое время строжайше протекціонистскіе принципы продолжали считаться во Франціи альфой и омегой государственной мудрости, и стоило правительству въ 1786 г., при заключеніи договора съ Англіей, нѣсколько отъ этихъ принциповъ отклониться, чтобы со стороны представителей цѣлой массы отраслей промышленности посыпались градомъ жалобы, упреки, мольбы объ уничтоженіи договора, который якобы „губитъ“ національную индустрію. Дѣло доходило до того, что, какъ я уже старался показать въ другомъ мѣстѣ²⁾ на основаніи подлинныхъ данныхъ, промышленники иной разъ просили правительство даже не остановиться предъ объявленіемъ войны Англіи, если это нужно въ видахъ расторгненія ненавистнаго договора. Нечего, далѣе, и сравнивать положенія русскихъ промышленниковъ временъ Екатерины съ ихъ французскими товарищами—хотя бы, напр., временъ революціи, —относительно всякаго рода казенныхъ субсидій и вспоможеній: мнѣ приходилось читать прямо цѣлыя сотни просьбъ и моленій владѣльцевъ индустріальныхъ предпріятій въ Парижѣ и провинціи,—моленій о денежной помощи, обращенныхъ къ правительству и въ послѣдніе годы стараго режима, и при Учредительномъ и Законодательномъ Собраніяхъ, и при Конвентѣ, и при Директоріи. Нѣкоторые картоны серіи F¹ почти цѣликомъ изъ такого рода документовъ и состоятъ. И правительственная власть нерѣдко удовлетворяетъ эти просьбы—а владѣльцы сплошь и рядомъ подкрѣпляютъ свои домогательства ссылкой на то, что они „кормятъ“ столько-то десятковъ „*règes de famille*“, которые въ случаѣ краха предпріятія останутся на улицѣ. И любопытнѣе всего въ этихъ просьбахъ сознаніе своего права на эти милости, привычка къ субсидіямъ, обратившаяся явственно во вторую натуру. Этого явленія въ екатерининской Россіи не замѣтилъ никто изъ писавшихъ о состояніи тогдашней индустріи.

V.

Но несмотря на то, что въ концѣ XVIII вѣка русская промышленность не пользовалась такимъ покровительствомъ со сто-

¹⁾ Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Историческій очеркъ А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1899 стр. 121.

²⁾ Рабочій классъ въ эпоху революціи. Спб. 1909, гл. I.

роны правительства, какъ промышленность французская, цифровыя данныя, касающіяся русской индустріи, не даютъ никакихъ основаній ставить тогдашнюю Россію въ рангъ отсталой и экономически-зависимой державы. Для насъ не такъ важно даже число мануфактуръ въ тѣхъ или иныхъ городахъ и губерніяхъ, показываемое современными писателями. Но нельзя обойти молчаніемъ, что самые авторитетные и внимательные наблюдатели даютъ очень внушительныя цифры.

Бюшингъ считаетъ, что „лучшія мануфактуры въ Россіи—полотняныя“ и что онѣ „доставляютъ большую массу полотна для внутренняго потребленія и для вывоза“ ¹⁾. Шелковыхъ мануфактуръ въ Россіи было въ 1762 г.—26, а въ 1775—ровно вдвое больше (52), причемъ онѣ вырабатывали „красивѣйшіе“ сорта шелка. По словамъ Германа (въ 1780 г.), въ Россіи было 64 полотняныхъ мануфактуры; говоря о другихъ промыслахъ, онъ не даетъ точныхъ цифръ. Шторхъ въ одной Московской губерніи насчитываетъ (въ 1787 году) 761 фабрику (*Fabriken und fabrikmässige Anstalten—„Sawoden“*) и подчеркиваетъ, что въ эту цифру не входятъ мелкія предпріятія ²⁾, въ Петербургѣ—120 мануфактуръ, въ Ярославлѣ 21 („sehr bedeutende“, настаиваетъ авторъ). Относительно общаго числа мануфактуръ въ Россіи напомнимъ, что, напр., М. И. Туганъ-Барановскій считаетъ наиболее точною цифру, приводимую на основаніи данныхъ мануфактуръ-коллегии Бурнашевымъ (въ его „Очеркѣ исторіи мануфактуръ“ 1833), т. е. что въ 1762 году въ Россіи было 984 фабрики, а въ 1786 г.—3161; „Матеріалы по исторіи и статистикѣ русскихъ мануфактуръ“, изданные вѣдомствомъ финансовъ въ 1865 году, даютъ для перваго года екатерининскаго царствованія 984 фабрики, а для послѣдняго—3129. Замѣчу, что я лично не спѣшу признать ни цифру Бурнашева, ни цифру „Матеріаловъ“ для конца екатерининскаго царствованія—непререкаемою. Дѣло въ томъ, что въ VIII томѣ Записокъ Императорской Академіи Наукъ (*Mémoires de l'Académie des sciences*, за 1817 г.) былъ помѣщенъ академикомъ Германомъ, строгимъ и осторожнымъ статистикомъ, общій обзоръ исторіи русскихъ мануфактуръ, причемъ онъ даетъ ³⁾ для 1802 года цифру 2270. Правда, по общимъ отзывамъ при Павлѣ вывозъ сократился и, вообще, промышленная дѣятельность не была оживленною, но трудно предполагать, чтобы за пять лѣтъ изъ 3161 или даже 3129 фабрикъ закрылось около 900. Разногласіе между цифрами Бурнашева и министерства финансовъ, съ одной стороны, и цифрою Германа—съ другой стороны, можно объяснить себѣ такъ, что Германъ не принималъ въ расчетъ болѣе или менѣе

¹⁾ Büsching: *Erdbeschreibung*, I, 701.

²⁾ Storch: *Gemälde* (op. cit.) III, 212: „ohne die zahlreichen Etablissements und einzelne Werkstätte in Dörfern.“

³⁾ *Mémoires de l'Académie des sciences*, t. VIII, стр. 451.

мелкія предпріятія, которыя болѣе походили на мастерскія („Werkstätte“), нежели на „Fabriken und fabrikmässige Anstalten“, какъ выражается опиравшійся отчасти на его изслѣдованія Шторхъ. Отметимъ еще, что Petri считаетъ, что въ 1806 году въ Россіи было 2378 фабрикъ болѣе или менѣе крупныхъ („ohne die zahlreichen kleinen Etablissements“, оговаривается онъ),—и на этихъ 2378 фабрикахъ работало болѣе полумилліона рабочихъ ¹⁾. Если послѣдняя цифра и составляетъ преувеличеніе, то подсчетъ фабрикъ не особенно противорѣчитъ вышеприведеннымъ показаніямъ,—и цифра, даваемая Германомъ, отчасти подтверждается цифрою Петри. Германъ, замѣтимъ, въ своей „Russlands statistische Schilderung“ явно интересуется именно большими промышленными предпріятіями. Но въ такомъ случаѣ цифра Германа (2270) особенно для насъ интересна: пусть намъ назовутъ державу континентальной Европы, которая въ 1802 году имѣла больше 2270 крупныхъ мануфактуръ, и тогда согласимся, что Россія была „отсталой“ въ индустріальномъ отношеніи страной. Были цѣлые города, носившіе явно выраженный фабричный характеръ. Читая описаніе путешествія извѣстнаго Палласа, объѣзжавшаго Россію по порученію академіи наукъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ г.г. XVIII вѣка, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое путешественникъ вынесъ отъ посѣщенія Арзамаса: при всей нечистотѣ и внѣшней неприглядности города,—онъ показался Палласу *необыкновенно* благоденствующимъ и многолюднымъ, причемъ онъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ—обрабатывающей промышленности, и все его населеніе, кромѣ купцовъ и чиновниковъ, состоитъ изъ представителей промышленности, и Палласъ приводитъ даже этотъ городъ въ доказательство того, насколько и для всего государства выгодны фабрики и мануфактуры ²⁾.

Но, конечно, самое интересное—это общее впечатлѣніе которое путешественникъ получилъ отъ Арзамаса,—впечатлѣніе чисто-фабричнаго города. Напрасно мы стали бы у Артура Юнга или у другихъ авторовъ, оставившихъ описаніе путешествій по Франціи въ концѣ XVIII вѣка,—искать чего-либо подобнаго при описаніи не столицы, даже не провинціального центра, а третъестепеннаго города.

¹⁾ Petri: Russlands blühende Handels-Fabrik und Manufakturstädte in alphabetischer ordnung (Leipzig, 1811).

²⁾ Вотъ это замѣчательное мѣсто (Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, St. Petersburg 1771, I Theil, стр. 46—47): „...so unreinlich und schlecht bebaut Arsamas auch seyn mag, so ist er dennoch ein ungemein nahrhafter, volkreicher und wohlhabender Ort, welcher seine Aufnahme denen hier im Schwange gehenden Gewerben zu danken hat und im kleinen die Vorteile zeigt, welche einem Staat durch Fabriken und Manufakturen zuwachsen müssen. Fa. die ganze Stadt—einige Kaufmannschaft und Canzley-beamten ausgenommen,—wird von Seifensiedern, Gerbern, Blaufärbern und Schustern bewohnt, welche letztere einen grossen Theil der allhier bereiteten Ledersorten verarbeiten und zu einem sehr wohlfeilen Preis weit und breit verführen.“

Не менѣе интересны цифры рабочихъ, занятыхъ на отдѣльныхъ фабрикахъ.

Можно сомнѣваться въ статистическихъ итогахъ, подводившихся въ XVIII в., напр., въ подсчетахъ торговаго баланса и т. п.,—но какое основаніе есть у насъ для сомнѣній въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ относительно числа рабочихъ на той или иной фабрикѣ, особенно если эти сообщенія исходятъ отъ такого добросовѣстнаго и серьезнаго писателя, какъ Германъ, объѣздившій Россію. Есть огромныя шелковыя мануфактуры: въ Москвѣ—Михаила Милетина—988 рабочихъ, Лазарева (близъ Москвы)—500 рабочихъ, Семена Бабушкина—351 рабочій; огромныя суконныя мануфактуры,—напр., Гарденина (въ Воронежѣ)—435 рабочихъ, Алексѣя Иванова (въ Москвѣ)—453 рабочихъ, Ивана Кожина (въ Лебединскѣ)—589 рабочихъ, Суровщикова (въ Москвѣ)—545 рабочихъ, Якова Тулинина (въ Тамбовѣ и Воронежѣ)—2250 рабочихъ,—цифра огромная и для двухъ мануфактуръ,—Юстинова (въ Малороссіи)—756 рабочихъ, наслѣдниковъ Ивана Дребеля (въ Казани)—1128 рабочихъ, Алексѣя Гурьева (въ Шацкѣ)—1700 рабочихъ. Но самыя огромныя мануфактуры попадаютъ среди выдѣлывающихъ холстъ и полотно. „Онѣ очень многочисленны и частью значительны и велики“,—говоритъ Германъ. Цифры, которыя онъ приводитъ ¹⁾, съ избыткомъ подтверждаютъ это мнѣніе. Приведемъ выдающіеся образчики (статистика относится къ 1780 году): на мануфактурѣ Демидова (въ Перемышлѣ)—472 рабочихъ, у Зерскаго (въ Суздаль)—599 рабочихъ, у Михайлы Гусятникова (въ Зарайскѣ)—795 рабочихъ, у Петра Хлѣбникова (въ Пронскѣ)—1059 рабочихъ, у Ларіона Лугинина (въ Тулѣ)—1295 рабочихъ, у Данилы Земскаго (въ Московскомъ уѣздѣ)—1031 рабоч., въ Ярославлѣ (у наслѣдниковъ Яковлева)—2637 рабочихъ, у Гончарова (въ Маломъ-Ярославцѣ)—2559 рабочихъ, у Гончарова (въ Москвѣ)—3479 рабочихъ; относительно нѣкоторыхъ точная цифра рабочихъ не приведена, но ее легко можно хоть приблизительно возстановить,—напр., когда Германъ говоритъ, что на мануфактурѣ Трапезникова работаетъ 706 станковъ (въ Ярославлѣ), то, вспоминая, что въ томъ же Ярославлѣ на мануфактурѣ наслѣдниковъ Яковлева работаютъ 2637 человекъ при 690 станкахъ, читатель можетъ заключить, что у Трапезникова рабочихъ было больше 2600 во всякомъ случаѣ. На парусно-полотняныхъ мануфактурахъ Калуги въ 1793 г. работало 8860 рабочихъ,—и работали для вывозной торговли ²⁾.

Относительно многихъ промысловъ Германъ и вообще не даетъ цифръ, а ограничивается указаніемъ, что такихъ мануфактуръ въ Россіи много и онѣ—велики. Напримѣръ, о ману-

¹⁾ Statistische Schilderung von Russland. St.-Petersburg und Leipzig. 1790.

²⁾ Damaze de Raymond: Histoire de Russie (Paris. 1812), I, стр. 405.

фактурахъ, выдѣлывающихъ парусный холстъ, онъ говоритъ: „dergleichen sind im russischen Reiche sehr viele und sehr grosse“ ¹⁾; о производствѣ мыла онъ говоритъ, что „его въ Россіи выдѣлывается такъ много, что значительная часть его можетъ вывозиться за границу“ ²⁾. Нельзя тутъ, кстати, не упомянуть, что всѣ обращенія французскихъ фабрикантовъ мыла къ своему правительству въ послѣдніе годы XVIII вѣка—это одинъ непрерывный вопль о гибели производства, о недостаткѣ необходимаго сырья, причемъ и со стороны населенія слышались тѣ же жалобы и просьбы, чтобы правительство предприняло какія-нибудь мѣры противъ такого зла, какъ отсутствіе мыла ³⁾.

Приведенныя выше цифры являются въ сравненіи съ цифрами рабочихъ на французскихъ мануфактурахъ поистинѣ чудовищными. Мы не теряемъ изъ вида (хотя прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ и мало, но нужно представлять себѣ дѣло—разъ рѣчь идетъ о 18-мъ вѣкѣ—такъ), что эти тысячи рабочихъ, занятыхъ на русскихъ предпріятіяхъ, далеко не всѣ работали въ зданіи мануфактуры. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ подсчеты входили всѣ рабочіе, какъ работавшіе въ зданіи мануфактуры, такъ и получавшіе работу на домъ. Но, вѣдь, и для Франціи конца XVIII вѣка эта оговорка совершенно необходима; во Франціи, судя по прямымъ несомнѣннымъ доказательствамъ, большинство сколько-нибудь крупныхъ предпріятій было организовано именно по такой системѣ, что предприниматель давалъ рабочимъ матеріалъ и орудія производства, а работали они на дому.

Во Франціи „промыслы, разсѣянные по деревенскимъ хижинамъ“, о которыхъ говоритъ Артуръ Юнгъ, путешествовавшій въ 1790 году, играли очень важную роль въ индустріи,—и знакомясь съ документами серіи F¹², я на каждомъ шагу вспоминалъ это показаніе Юнга. Мало того. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мнѣніе объ экономической отсталости Россіи, укоренившееся въ европейской литературѣ въ срединѣ XIX вѣка, дѣятельно поддерживалось у насъ извѣстнымъ теченіемъ общественной мысли, возводившимъ эту отсталость въ идеаль и усматривавшимъ въ ней залогъ самобытнаго развитія и лучезарнаго будущаго. Противники этого теченія возставали противъ *оцѣнки* этой отсталости Россіи, но не пробовали по этому случаю указать, что если Россія и могла назваться во второй половинѣ XVIII столѣтія „отставшей“ отъ Англіи страной, то для конца XVIII эту „отсталость“ дѣлила съ нею и самая промышленная страна континента—Франція. Развѣ не знакомую намъ идиллію рисуетъ (и критикуетъ) Артуръ Юнгъ, гражданинъ опередившей весь міръ индустріальной державы, когда онъ говоритъ о столь чуждомъ

¹⁾ Herrman. 379.

²⁾ Ibid., 341.

³⁾ Нап. Арх. F¹². 1505. (Rapport 10 vendem. an III и ми. др. въ этомъ каптотѣ).

ему французскомъ крестьянинѣ ¹⁾: „крестьянинъ, живущій со своею семьею на своей землѣ, удовлетворяющій всѣмъ своимъ нуждамъ своимъ собственнымъ промысломъ, не прибѣгая къ обмѣну, независимый ни отъ кого, представляетъ, правда, картину сельскаго счастья,—но счастья, несовмѣстимаго съ потребностями современнаго общества“, и если бы Франція состояла только изъ подобнаго населенія, она, по мнѣнію Юнга, пала бы жертвою иноземнаго завоеванія. По *типу* своему французская промышленность конца XVIII вѣка отнюдь не была болѣе развитой, чѣмъ промышленность русская; она не была и достаточно сильною, чтобы совершенно измѣнить стародавній бытъ крестьянства,—какъ не была для этого достаточно сильною и современная ей русская индустрія.

Во Франціи конца XVIII вѣка фабрика, на которой (или, точнѣе, на *которую*) работаетъ 100—150—200 чел.—считается очень крупною; больше 300—400 чел. попадаетъ въ видѣ единичныхъ исключеній. Очень промышленный городъ Tourcoing (въ сѣверномъ департаментѣ) хлопочетъ, чтобы правительство помогло фабрикамъ, ибо,—пишутъ администраторы:—всѣ эти фабрики вмѣстѣ кормятъ 1000—1200 рабочихъ ²⁾. G. Martin въ своей книгѣ: „La grande industrie en France sous le règne de Louis XV“ ³⁾ любитъ приводить большія цифры рабочихъ, работающихъ въ той или иной мѣстности: въ Сэнъ-Шамонѣ работаютъ надъ выдѣлкою лентъ 8000 женщинъ, въ Руанѣ съ окрестностями занято 3495 станковъ и т. д.

Имѣя дѣло съ этими цифрами, надлежитъ помнить, что сюда входятъ не только такіе рабочіе, которые, получая отъ хозяевъ матеріалъ и заказъ, работаютъ у себя на дому, но также и всѣ ремесленники и всѣ крестьяне, которые просто вырабатываютъ товаръ у себя дома и продаютъ его въ городѣ. Самъ Мартэнъ признаетъ, что во время жатвы—всѣ эти станки, разбросанные по деревнямъ, не работаютъ вовсе ⁴⁾.

Типична эта связь съ землею для индустріальнаго быта XVIII в. не только во Франціи, но и на всемъ континентѣ. Достаточно вспомнить, напр., характернѣйшее мѣсто у Мирабо въ его описаніи прусской монархіи: рассказавши, что во всей Помераніи на *всѣхъ* промыслахъ—6681 чел., онъ поясняетъ, что, въ сущности, эти рабочіе вырабатываютъ товаръ дома и затѣмъ *продаютъ* его купцу, который и сбываетъ его ⁵⁾.

¹⁾ A. Jung: II, 379.

²⁾ Нац. Арх. F¹² 679. Le chef de la 2 divisin des bureaux du Ministre de l'intérieur (14 floreal an 4).

³⁾ Paris, 1900.

⁴⁾ Op. cit., 260.

⁵⁾ Mirabeau: De la Monarchie prussienne sous Frédéric le Grand, III—53: „En général il ne faut pas juger ces sortes d'ouvriers, comme ceux qui travaillent dans une fabrique réunis aux gages d'un entrepreneur. Presque tous ont outre leur métier quelque terrain... c'est la même la grand avantage de ce genre d'établissement où chaque ouvrier travaille librement pour lui, après quoi il vend son ouvrage au marchand qui le débite.

Но какъ велико число рабочихъ, занятыхъ на отдѣльныхъ мануфактурахъ? Есть ли большія фабрики и много ли ихъ? Мартэнъ въ высшей степени неясно и неопредѣленно говоритъ: „достовѣрно, что со середины XVIII столѣтія существуютъ очень большія фабрики. Однѣ занимаютъ 1.800 рабочихъ, какъ въ Лиможѣ, другія—1.500, какъ въ Руу ен Velay. Марсель имѣетъ 40 шляпныхъ мастерскихъ съ 500 рабочихъ, 38 фабрикъ мыла и 1000 рабочихъ“. Уже эти отрывочныя, не идущія одно къ другому сообщенія показываютъ, какъ неясенъ цифровой матеріалъ у автора. Но если допустимъ полную точность цифръ (1.800 и 1.500 чел.) и если прибавить знаменитую аббевильскую мануфактуру Ванъ Робэ, гдѣ работало 1.500 человѣкъ, то вотъ предъ нами три едва ли не крупнѣйшія заведенія Франціи. Чтеніе документовъ, содержащихся въ серіи F¹², даетъ намъ полную увѣренность, что во Франціи конца XVIII столѣтія мануфактуры, гдѣ работало болѣе 500 человѣкъ, были очень большою рѣдкостью, а большими предпріятіями считались уже тѣ, гдѣ работало 100—200 человѣкъ. И русскія мануфактуры того времени были далеки отъ современнаго типа,—но число предпріятій, дѣйствительно громадныхъ по количеству рабочихъ, въ Россіи было, повидимому, больше, чѣмъ во Франціи.

Часть рабочаго населенія Россіи была въ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ; это было возможно, если эти владѣльцы были дворяне,—и что нѣкоторыя предпріятія въ Россіи держались именно крѣпостнымъ трудомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ великъ былъ процентъ рабочихъ крѣпостныхъ—установить въ точности едва ли особенно легко.—Германъ утверждаетъ¹⁾, что въ 1812 году на фабрикахъ работало 119.093 рабочихъ; изъ нихъ 31.160—государственныхъ крестьянъ, 27.292—помѣщичьихъ крѣпостныхъ и 60,641—свободныхъ.

Какъ обстояло дѣло къ концу царствованія Екатерины—мы не знаемъ. Думается, что въ русскихъ архивахъ должны быть данныя, по которымъ будущій изслѣдователь установитъ ясную картину распредѣленія рабочихъ между категоріями крѣпостныхъ и свободныхъ. Нужно замѣтить, что при перечисленіяхъ именно крупныхъ фабрикъ владѣльцы-дворяне упоминаются очень рѣдко, а, какъ извѣстно, съ 1762 года промышленники не-дворянскаго происхожденія потеряли право владѣть крѣпостными. Ясно одно: фабрики и заводы къ концу екатерининскаго царствованія отнюдь не были тепличными растеніями,—и обрабатывающая промышленность достигла такого развитія, что если и не составляла существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію по смыслу неоднократныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ,—страною *экономически-независимою отъ сосѣдей*.

¹⁾ Mémoires de l'Académie des sciences (St. Petersburg), t. VIII, 462.

Сдѣлаемъ выводъ. Иностранцы-современники, повидимому, ясно видѣли то, о чемъ забыло потомство: что экстенсивная сила русской имперіи, выразившаяся въ екатерининскихъ завоеваніяхъ, базировалась на несравненно болѣе прочномъ экономическомъ фундаментѣ, нежели простое „натуральное хозяйство“.

Вспомнивши обо всѣхъ этихъ показаніяхъ современниковъ, мы можемъ лишь пожелать, чтобы экономическая жизнь Россіи въ эту пору была освѣщена возможно скорѣе—и освѣщена исчерпывающимъ образомъ. Только это позволитъ дать вполне точный отвѣтъ на поставленный тутъ вопросъ.

Критическій анализъ матеріаловъ скажетъ современемъ и здѣсь свое рѣшающее слово.

Все заставляетъ думать, что легенда объ экономической „отсталости“ тогдашней Россіи не выйдетъ вполне невинною изъ подобнаго испытанія.

Е. Тарле.

КЛАДБИЩЕ.

Бѣлый жмурится день. Ткачъ-пустынникъ заткалъ
Серебристой парчей сосенъ скромный уборъ,
Тынь заплелъ серебромъ, и шутя разбросалъ
По простору полей искрометный коверъ.

Подъ обрывомъ заливъ бѣлымъ брошенъ пятномъ,
Путь серебряной лентой бѣжить по горѣ.
Небеса отливаютъ стальнымъ серебромъ.
Даже церковь вдали—въ серебрѣ.

Какъ жрецы на молитвѣ, склонились кусты,
Въ свѣтлыхъ тканяхъ стоятъ молчаливой толпой.
И безмолвенъ покой. И черпѣютъ кресты,
Обведенные бѣлой каймой.

В. Кожевниковъ.